

Л.Р. Шевлякова

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан
(E-mail: lubovsh1@ya.ru)*

Структура жанра современной антиутопии

В статье рассмотрен комплекс жанрообразующих признаков антиутопии на широком материале произведений с момента оформления жанра до современности. Автором поставлена проблема обнаружения максимально полного перечня конститутивных и факультативных жанровых признаков, вытекающая из сложностей, которые возникают на пути исследователя, ввиду того, что современные антиутопии сложно уместить в узкие рамки имеющихся классификаций. Достоинством данного исследования является создание рабочей схемы, позволяющей классифицировать тексты по ряду конститутивных и факультативных признаков, обнаруживая специфическое своеобразие любого антиутопического произведения.

Ключевые слова: жанр антиутопии, тотальный запрет, опровержение утопической идеи, антиутопический конфликт, заведомая фантазийность, конститутивные признаки, факультативные признаки.

Жанр антиутопии неразрывно связан с утопией как мировоззрением и утопией — литературным жанром, который берет свое начало с произведений Платона, Т. Мора, Т. Кампанеллы. Антиутопия воспринимается многими исследователями как пародия на жанр утопии либо на утопическую идею. Если утописты предлагали человечеству рецепт спасения от всех социальных и нравственных бед, то антиутописты, как правило, предлагают читателю разобраться, как расплачивается человечество за всеобщее счастье. Жанр расцвел в XX веке, когда утопические идеи начали воплощаться в жизнь. Р. Гальская и И. Роднянская отмечают, что антиутопии являются откликом человеческого существа на давление нового порядка [1; 157]. Если утопии пишутся в сравнительно мирные времена ожидания будущего, то антиутопии — на сломе времен, в эпоху неожиданностей, которые это будущее преподнесло. Действительно, первые антиутопии стали появляться как отклик на тот новый миропорядок, который воцарился в России после революции 1917 года. Россия стала первой страной реализованной утопии. Общеизвестно, что у истоков современной мировой антиутопии находится роман Е. Замятина «Мы». Но корни этого жанра находятся гораздо глубже: у начала цепочки антиутопий XX века находится роман Ф.М. Достоевского «Бесы», в котором писатель полемизировал с утопиями, владевшими умами его современников.

Всплеск интереса к антиутопии отмечен годами застоя, предперестроечным временем, ожиданием социальных и нравственных перемен. В жанре антиутопии написан роман В. Аксенова «Остров Крым», повесть В. Войновича «Москва 2042», Ф. Искандера «Кролики и удавы», В. Маканиана «Лаз» и «Последний лагерь», А. Курчаткина «Записки экстремиста», Л. Петрушевской «Робинзоны XX века», А. Кабакова «Сочинитель», «Невозвращенец», А. Бородыни «Парадный портрет кисти Малевича», Т. Толстой «Кысь» и др.

С момента возникновения и до середины 80-х годов XX века, когда была отменена цензура и восторжествовала гласность, жанр антиутопии находился под тотальным запретом. Это было связано с тем, что Россия была первой страной победившего, воплощенного утопизма. Известно, что многие писатели восприняли революцию 1917 года как средство превращения утопической мечты в реальность. Суть общественного утопизма, по мнению Г.В. Флоровского, заключается в «возможности имманентной исторической удачи, окончательной и предельной, хотя бы только частичной, но такой, которая не требовала и не допускала дальнейших перемен в лучшую сторону». Решающее значение здесь принадлежит самой формальной вере в осуществимость идеала, в эмпирическую достижимость совершенства и в социальном строительстве, т.е. такого состояния, которое исключает не только надобность, но и самую возможность улучшения. В том или ином смысле такой идеальный строй или быт подымается над этической сферой, изымается из этического обсуждения, превращается в надэмпирическую силу, которой должно быть все позволено. Именно поэтому антиутопические прогнозы на будущее, которые были основаны на анализе настоящего, не принимались в нашем обществе, живущем утопическими представлениями о настоящем и будущем.

Одной из основных жанровых примет антиутопии является авторская установка на опровержение утопической идеи, направленной на изменение мира и человека, строительство принципиально

нового миропорядка, одинаково прекрасного будущего для всех. Жанр утопии – это своего рода попытка воплотить свои представления об идеальном миропорядке. Главная задача антиутопии, по мнению А. Зверева, оспаривать миф, создаваемый утопистами без должной оглядки на реальность [2; 154]. Писатели-антиутописты показывают, что попытка реализации утопии обернулась трагедией для миллионов людей. Не случайно, именно в XX веке, в эпоху экспериментов по реализации утопических проектов (самым грандиозным была революция 1917 года в России), антиутопия окончательно оформляется как самостоятельный литературный жанр.

Антиутописты показывают тернистый путь осуществления идеала. Русский философ Н. Бердяев сказал, что самое страшное в утопии — это то, что она может быть реализована. «Утопии выглядят гораздо более осуществимыми, чем в это верили прежде. И ныне перед нами стоит вопрос, терзающий нас совсем иначе: как избежать их окончательного осуществления?» [3; 195]. Такая установка стала лейтмотивом всей антиутопической тенденции, согласно которой утопия является насилием над действительностью, над человеческой природой и пролагает путь к тоталитарному строю, а любое идеализируемое в утопиях будущее может быть только хуже настоящего. В погоне за организованным добром утопия по ходу дела превращает хаотическое и бессистемное присутствие зла в мире в единый мир организованного зла.

Главная задача антиутопии по опровержению утопических идей реализуется в традиционном для антиутопии конфликте личности, усомнившейся в проповедуемых идеалах, и государства, все усилия которого направлены на осуществление утопических идей. Государство с его тоталитарной идеологией, комплексом идей, направленных на осуществление контроля над всей жизнью в целом и над жизнью каждого человека в отдельности, враждебно человеку. Оно стремится подавить его волю, ограничить свободу. Основная задача государства – мобилизация людей для осуществления идеи, насильственное навязывание приоритетности будущего. Сущность тоталитарной идеологии заключается в гипертрофированном футуризме, в отрицании прошлого и настоящего во имя великого и светлого будущего. Как правило, идеи, на осуществление которых направляются государством все усилия человека, имеют глобальный характер: ввести социализм прямо к лету в повести А. Платонова «Чевенгур», желание построить коммунизм в отдельно взятом городе Москве героями романа В. Войновича «Москва 2042» или присоединить Советский Союз к Крыму в романе В. Аксенова «Остров Крым». В повести А. Курчаткина очевиден факт снижения идеи, ее социальной значимости и масштабности: герои стремятся построить метро в родном городе. Показательно, что для осуществления этой немасштабной идеи было создано своего рода государство, основная функция которого подчинение личности общественным задачам. Итог противостояния личности и государства в антиутопии предопределен: государство всегда одерживает победу над личностью, которая в итоге (добровольно или под воздействием силы) разделяет его философию. Ю. Латынина отмечала, что «осуществление утопических идей началось не с отрицания, а с самоотрицания личности, с момента превращения единственного в единицу» [4; 136]. А. Курчаткин в повести «Записки экстремиста» идет дальше художественной иллюстрации известной мысли о губительности власти тоталитарного государства над человеком, он пытается разглядеть истоки тоталитаризма в утопическом сознании человека, в его внутренней готовности жертвовать своей и чужой жизнью для дальнего идеала, в осознании человека средством для достижения цели.

Антиутопический конфликт возникает на почве противостояния личного и общественно значимого. Антиутопия обнажает несовместимость утопических проектов с интересами отдельной личности, доводит до абсурда противоречия, заложенные в утопии, отчетливо демонстрируя, как равенство оборачивается уравниловкой, разумное государственное устройство – насильственной регламентацией человеческого поведения, технический прогресс – превращением человека в механизм. Идея гармонии личного и общего заменяется идеей абсолютной подчиненности государству всех сфер человеческой жизни. Антиутопией подвергается коренной проверке утопическая цель – осчастливить человека, в корне переделав его, без учета его личных желаний, его собственных представлений о счастье. В современных антиутопиях изображается растворение личности в коллективе, формирование катастрофической для общественного и индивидуального развития человека «презумпции заменимости» (А. Эткинд), суть которой в отсутствии осознания самоценности каждой личности, в измерении степени ее значимости степенью полезности. Антиутопия подвергает сомнению утопические критерии оценки человека – степень полезности общему делу, верность идее, самоотрицание личности, «превращение из единственного в единицу». Для понимания сути антиутопического конфликта важное значение имеет прием крещения героя новыми именами, отсутствие собственного имени, замена его прозви-

щем или буквенно-цифровым обозначением имени. «Произвольно отрекаясь от себя прежнего и присваивая атрибут другого лица, человек подготавливается к безымянности – к тому, чтобы отождествиться с нумерованным местом в коллективном строю», — отмечали Р. Гальцева и И. Роднянская [1; 164].

Антиутопия воспринимается как ценный материал для извлечения идеального типа общества несвободы. Счастье – в несвободе, малейшее проявление свободы, индивидуальности считается ошибкой, добровольным отказом от счастья, преступлением, поэтому смерть как наказание за отступничество считается естественным явлением. пытки и казни являются неперенными спутниками строительства нового мира, достаточно показательна сцена казни в повести А. Курчаткина «Записки экстремиста», когда Философ стал палачом своего друга Магистра.

По отношению к произведениям антиутопического жанра оказывается особенно значимым утверждение М. Бахтина о том, что «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов». Антиутопический сюжет строится на сложных переплетениях пространственно-временных пластов. В антиутопии рисуется общество будущего (А. Курчаткин «Записки экстремиста», В. Войнович «Москва 2042»), антиутопически оцененное настоящее (В. Аксенов «Остров Крым»), иногда временная определенность не обозначена (В. Маканин «Лаз»). Действие может развиваться в разных пространственных пластах. Часто это земной мир и подземный, которые противопоставлены как мир утопии и антиутопии. Мир наверху в повести В. Маканина «Лаз» — это мир, где царит страх, человек обречен на одиночество, в этом мире тьма, отсутствие самых необходимых вещей. Под землей – свет, обилие магазинов, заполненных товарами, а главное – там царит дух Слова, есть возможность человеческого общения.

Достаточно интересна пространственно-временная организация текста в повести А. Курчаткина «Записки экстремиста», действие которой также развивается в наземном мире и под землей. Один временной пласт повести «Записки экстремиста» связан с описанием реального современного города, задыхающегося без метро, обещанного, но так и не построенного властями. Это обстоятельство заставило кучку энтузиастов спуститься под землю и там, отделившись от мира, строить для города метро. Второй пласт повествования погружает (в буквальном смысле, так как дальнейшее действие повести развивается глубоко под землей) читателя в атмосферу созданного там тоталитарного государства, которое превзошло земное в мерах и средствах, помогающих осуществить свою линию: если на земле власти ограничивали свои действия, направленные на прекращение строительства метро, административными мерами (увольнение с работы, исключение из института), то подземное государство взяло курс на физическое уничтожение инакомыслящих людей. Это время, являясь настоящим календарным временем для героев повести, читателем воспринимается как прошлое историческое время потому, что совершенно очевидны аналогии со временем расцвета сталинского тоталитарного государства. Третий пространственно-временной пласт является традиционным для антиутопии. А. Латынина отмечает, что антиутопический мир, ввиду своего разрыва с естественным и органическим, имеет подчеркнуто индустриальное лицо. Люди, построившие метро, выходят на землю и оказываются в постиндустриальном обществе, достигшем огромных успехов в области науки. Изобретение совершенно новых средств передвижения – пеналов, которые могут, преодолевая гравитацию, мгновенно взлетать в воздух, – свело на нет жертвенные усилия строителей метро. Оно оказалось ненужным, изжившим себя транспортным средством.

«Заведомая фантазийность» называется в ряду определяющих черт поэтики антиутопии. Элементы фантастики преобладают и в современных антиутопиях: машина времени, переносящая героя романа В. Войновича «Москва 2042» в коммунистическое общество, построенное в отдельно взятом городе, мир, созданный строителями метро в «Записках экстремиста» также держится на чистой фантастике. По сути фантастическим, нереальным оказывается место действия романа «Остров Крым», у В. Аксенова Крым, реально являющийся полуостровом, превращен творческим воображением писателя в остров, населенный бежавшими от ужасов гражданской войны белогвардейцами. В антиутопии фантастика всего лишь художественный прием, который служит мерилем реалистичности изображаемых событий.

Основная социальная, идейная значимость произведений антиутопического жанра выразилась в этом их назначении: рисуя антиутопические картины будущего, основанные на анализе настоящего, заставить человека задуматься над ходом истории, о своей роли в этой грядущей катастрофе. Антиутопии призваны опровергать утопические идеи, предостерегать человека от желания положить свою жизнь на алтарь общественной идеи, которая, как правило, враждебна конкретному человеку,

призвана осчастливить все человечество, лишив конкретного человека свободы, счастья в его понимании, сделав винтиком в бездушной машине, ступенькой на пути к светлому будущему. Но антиутопия не ставит своей задачей подвергнуть сомнению Цель и Идеал как таковые.

Характеризуя антиутопизм как ведущую черту поэтики многих произведений современного литературного процесса, К. Степанян высказывает опасения по поводу увлечения современных писателей все подвергать переоценке, выражать свой идеал только через отрицание, не выдвигая позитивной программы мироустройства. Критик убежден в том, что, «покидая духовную пустыню фальшивых идеалов, можно легко угодить в пустыню безверия, еще более страшную». Некоторые исследователи отмечают, что подлинная антиутопия оставляет читателю и человечеству, находящемуся на краю гибели, в ощущении «последнего часа природы», надежду на спасение, предотвращение апокалипсиса.

Итак, в результате проведенного анализа мы выяснили, что все антиутопические произведения, как правило, в основе своей имеют какую-либо утопическую государственную систему. Система эта, в ходе развития сюжета, должна выявить свою полную несостоятельность. Несостоятельность эта, как правило, выражается через возникающий конфликт между Личностью и Государством. Рассматривая данное противостояние, мы не только анализируем личность и причины ее недовольства установленной системой, но и должны рассматривать государственный аппарат в своей совокупности как единый образ. То есть, с нашей точки зрения, государство – это не обязательно масштабное политическое образование. В качестве государства может восприниматься как целое королевство («Кролики и удавы»), так и отдельный город («Кысь»), а порой и весь земной шар («О дивный, новый мир»). В любом случае, какими бы масштабами не обладала эта система, она должна быть изолирована. Изолированность системы достигается разнообразными путями. Это не только географическая обособленность, но и политическая, идеологическая. Например, обособленность политической системы Океании в произведении Оруэлла «1984» поддерживается на обоих уровнях. Если взять другое его произведение – «Скотный двор», то мы увидим, что обособленность территориальная не имеет такого значения, как принципиально идеологическая отделенность фермы от других частей Англии. В романе «Москва 2042» Войновича мы также встречаем обособленность Москорепа от внешнего мира на всех уровнях.

Изолированность является неотъемлемым признаком антиутопической системы, так как позволяет с большей легкостью регламентировать любые действия участников сформированной системы. Не имея возможности сравнивать установленный политический строй с каким-либо иным, у людей, подчиненных этой системе, не должно возникать сомнений в правильности порядка их жизни. Нумера у Замятина подчиняются четко выверенной по минутам и секундам Скрижали, и первоначально мы не видим никаких признаков недовольства даже со стороны номера Д-503, позднее выступившего против Государства. Интересно, что у Олдоса Хаксли в его «О дивном, новом мире» двум главным героям удается столкнуться с иным социальным формированием – индейской резервацией. В результате этого один из героев (Бернард) еще больше убеждается в неправильности того мира, в котором он живет, а другой (Ленайна) лишней раз убеждается в его идеальности. Из чего можно сделать вывод, что влияние внешних факторов не является единственным «форматором» негативного восприятия установленного уклада у человеческих единиц системы.

В любом случае, по каким-либо причинам в том или ином человеке возникает чувство сомнения, а правильно ли все в их обществе. Это чувство, подстегиваемое различными событиями, которые в каждом произведении варьируются, постепенно перерастает в полное недовольство установленными правилами жизни. Чаще всего, человек, осознавший неидеальность их системы, совершает личностный рост. Переходя от статуса простого элемента системы к чему-то иному, большему, он, по факту, обнаруживает себя как Личность. Чувствующая, мыслящая личность, выполняющая эти действия с учетом выхода из установленных Государством рамок. Именно в этот момент и происходит типичный для антиутопии и заявленный нами как конститутивный признак жанра антиутопии конфликт Личности и Государства.

Вернувшись к тому, что Государство в антиутопическом произведении должно рассматриваться как единый образ, обязательно стоит отметить, что зачастую Государство еще в период построения системы определяет какую-либо личность (намеренно указываем ее в данном значении со строчной буквы, дабы подчеркнуть разность между Личностью, противостоящей системе, и личностью, формирующей систему) как персонификатора будущего государственного строя. Мы встречаем таких личностей практически во всех изученных антиутопиях. Начиная от классических «Мы», «1984», «Скотный двор» и продолжая список произведениями «Об Аке и человечестве», «Кролики и удавы»,

«Москва 2042», «Записки экстремиста» и «Кысь», мы везде можем увидеть одну персону, возведенную на вершину социальной пирамиды.

Данная персона может как реально существовать и даже участвовать в развитии/поддержании Государства, так и быть всего лишь формальным символом. Например, в «1984» Оруэлла невозможно понять, существовал ли Старший брат в принципе, или это некий образ, придуманный устройствами революции. В «Москве 2042» Войновича мы видим образ Гениалиссимуса, который на самом деле участвовал в построении чистого, настоящего коммунизма, но впоследствии, оказавшись помехой для удержания власти теми, кто желал ею обладать, Гениалиссимуса отправили в космический полет и оставили там. В то время как официально все происходящее в Москореде делалось от лица того же Гениалиссимуса. Ему постоянно посвящали целые статьи в газете. В том же самом издании регулярно давалась короткая сводка о физическом состоянии Гениалиссимуса. В конечном счете он становится собирательным образом покровителя их системы.

Как правило, такие персонификаторы становятся буквально обожествленным воплощением идеи, поставленной в фундаменте государства. Чтобы поддержать именно этот момент, авторы антиутопий намеренно вводят в речь героев восклицания, схожие с обращениями к Богу. Персонификатора восхваляют, поклоняются ему и надеются на него как на спасителя и отца чуть ли не всего человечества.

Иногда противостояние Личности и Государства переносится непосредственно на некоторое идеологическое противостояние Личности и Персонификатора. Так, в произведении Оруэлла «1984» у Уинстона, пошедшего против системы, члены внутренней партии не просто ломают его жизнь, заставляя проникнуться духом их политической системы, но, что очень важно, пытками и психологическим насилием заставляют полюбить самого Старшего брата. Наличие персоны, являющейся «иконой» государственной системы в антиутопическом произведении, также считаем конститутивным признаком жанра.

Чтобы не допустить возможности появления тех, кто усомнится в идеалах, провозглашаемых Государством, правителям антиутопического мира приходится применять всевозможные средства воздействия на общество. Чтобы влияние государства оказалось наиболее эффективным, приходится воздействовать на людей на всевозможных уровнях.

Перейдя к описанию способов воздействия на человека, сразу же отметим, что намеренное создание политического идола является одним из примеров воздействия политико-психологического уровня. Отталкиваясь от этого, можно назвать иные средства воздействия той же категории. Например, разнообразные плакаты и агитационные тексты, восхваляющие идола/вождя и саму систему. Подобные средства можно найти в произведениях Оруэлла и Войновича. Всевозможные празднества, устраиваемые для вождя, статуи и иллюстрационные изображения Старшего брата или Гениалиссимуса относятся к этой же категории.

К следующей категории относятся все средства воздействия, работающие на лингвистическом уровне. Чаще всего такое воздействие проявляется за счет регулирования лексического состава языка, функционирующего в заданном обществе. Переходя от лексики на иные уровни языка, Государство начинает упразднять некоторые, ранее существовавшие правила. Процесс по созданию сложных слов, имеющих две и более основы, представленный в «Москве 2042» Войновича, является не настолько сильным средством воздействия, как оруэлловские опыты над новоязом – языком, с каждым днем становящимся все более узким, за счет полного упразднения целых категорий слов. Хаксли также в своем произведении использует лингвистический уровень для формирования определенного мыслительного процесса у людей (а точнее, для формирования отсутствия в некоторой степени этого самого процесса). Используя в процессе гипнопедии специальные лозунги и речевки, государство заменяет их в сознании героев на мысли, которые могли бы появляться в головах у людей, если бы не заранее придуманные за них формулировки. Что у Хаксли, что у Оруэлла этот тип воздействия направлен только на то, чтобы сузить границы мыслей у жителей и тем самым облегчить государству работу по формированию единого строя.

Следующая категория включает в себя биологический уровень. Например, используя достижения в медицине, герои замятинского «Мы» вырезают у всех жителей Единого Государства ту часть мозга, которая отвечает за фантазию. В результате самая страшная для этого Государства болезнь – душа оказывается под угрозой исчезновения. В «Москве 2042» Войновича один из героев вполне успешно проводит опыты по созданию эликсира, способного возвращать молодость и продлевать жизнь. Тех же самых результатов, только иными биологическими воздействиями, добиваются герои

«О дивного, нового мира» Хаксли. Помимо этого, у Хаксли процесс деторождения полностью регулируется государством. Определенное количество людей в государстве становится донорами яйцеклеток и сперматозоидов, а ученые и врачи в специально построенном центре позже вполне успешно выращивают новых людей, притом, в случае надобности, могут создавать огромное количество одинаковых людей, воздействуя на развивающиеся яйцеклетки. Отсутствие живорождения в мире Хаксли очень хорошо укладывается в процесс регламентации межполовых сексуальных отношений. Согласно идеологии, в их государстве «каждый принадлежит всем», и потому любой человек в данной системе может взаимопользовать любого другого человека совершенно свободно. У Замятина регламент на взаимоотношения несколько иной. Там отношения между партнерами также достаточно свободны, разве что государство ограничивает их в некоторой степени, вводя систему «розовых талонов». У Оруэлла в «1984» и «Москве 2042» Войновича также установлены определенные правила на межполовые отношения. Во многих произведениях регулировка рождаемости и регламентация отношений между полами выливается в упразднение социального института семьи. Такой подход также способствует более легкому управлению обществом. И только у Оруэлла институт семьи оставлен намеренно. Ведь из членов семьи можно сделать отличных доносчиков, которые будут непременно следить друг за другом и сообщать в специальные службы о неправомерности близкого человека.

Здесь, конечно же, стоит отметить, что порою эти уровни между собой тесно переплетаются, образуя один мощный инструмент воздействия. Так, отсутствие нормальных душевных отношений внутри пар является и методом психологического воздействия.

Возвращаясь к способам политико-психологического воздействия, можно добавить и наличие внутри систем различных образований, призванных следить за своими гражданами и своевременно принимать меры по дополнительному воздействию на них, в случае обнаружения в их словах, мыслях или действиях каких-либо отклонений от общепринятой нормы. Такое средство воздействия встречается у Замятина, Оруэлла, Войновича и Курчаткина.

Еще один уровень – социальный. На этом уровне ключевым является способ построения социального строя. Исходя из анализа текстов, можно сказать, что социальный строй чаще всего представляет собой одну из двух видов формаций:

1. Вертикально иерархический строй. В произведении описывается такой строй, в котором существует специальная система разграничения обязанностей и возможностей внутри общества. Чем выше социальная ступень, на которой находится герой, тем больше у него возможностей и прав.

2. В произведениях с таким устройством государство создает строй, в котором все его члены равны. Если же на самом деле это не так, государство все же старается создавать иллюзию всеобщего равенства в правах и возможностях.

При формировании любого из этих двух видов социального строя государственный аппарат чаще всего старается использовать элементы психологического воздействия на людей. Таким элементом, в первую очередь, является определенный, регламентированный тип одежды у людей. Если мы рассматриваем иерархический строй, то в таком случае каждый уровень этого строя будет иметь свою отличительную форму, которая в сознании людей будет сразу же отождествляться с тем или иным уровнем. Четкое цветовое деление формы можно увидеть у Хаксли и Оруэлла.

Если же в государстве поддерживается унифицированный строй, то, в таком случае, одежда у всех людей будет одинакового образца. Подобные примеры мы можем увидеть у Замятина (юнифы) и Войновича (форма военного образца).

Также важно отметить, что в большинстве антиутопий Государство, дабы стереть формальный признак индивидуальности, меняет имена на какие-либо другие номинации. Например, буквенно-числовой код у Замятина, звездные имена у Войновича, прозвища у Курчаткина.

В результате рассмотрения антиутопий на предмет наличия разных уровней воздействия на человека с целью подавления в нем личностных качеств, мы обнаружили, что в каждом из рассматриваемых произведений используется та или иная категория уровней воздействия. Исходя из чего, признаем конститутивным признаком жанра антиутопии непременное наличие рычагов воздействия на общество на всевозможных уровнях.

Стоит также обратить особое внимание на Личность, которая противопоставляет Государству и его тирании. Проведенный анализ антиутопических текстов показал, что Личность может быть изначально воспитана внутри заданного антиутопического пространства, а может быть туда интегрирована. Чаще всего встречается в произведениях первый тип Личности (неинтегрированный), когда герой с самого начала своей жизни знаком с системой, так как вырос внутри нее. Второй тип личности

встретился нам в произведении В. Войновича «Москва 2042» и О. Хаксли «О дивный, новый мир». В последнем произведении, однако, встречаются оба типа Личностей, противостоящих государству.

Очень важно также сказать, что даже интегрированная Личность, в виду особенностей самого антиутопического текста, обязательно оказывается втянута в круговорот событий и непременно становится активным участником процесса.

Также мы выяснили, что все антиутопии можно разделить на два типа, в зависимости от того, на каком этапе развития находится государственная система. К первому типу антиутопий по этому критерию можно отнести все те произведения, в которых с самого начала нам дается уже готовая система. Среди этих антиутопий, однако, можно выделить два подтипа:

1. Антиутопическая система к концу произведения приходит к разрушению («Москва 2042», в некотором смысле также «Кысь»).

2. Государству удается подавить возникший конфликт и привести состояние системы в норму («Мы», «1984», «Кролики и удавы»).

Второй подтип представляет собой совокупность антиутопий, в которых система устанавливается параллельно с развитием сюжета. К таким антиутопиям относятся «Скотный двор», «Записки экстремиста».

На основе проведенного анализа и систематизации промежуточных данных мы строим схему, которая будет включать в себя все конститутивные признаки антиутопии, а также некоторые дополнительные особенности этого жанра. В конечном счете получаем следующую схему, которая должна стать универсальной для анализа каждого антиутопического произведения:

1. Признавая необходимым для истолкования антиутопических текстов рассмотрение сюжетно-образующих признаков, мы включаем в данную схему классификацию, предложенную в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под редакцией А.Н.Николюкина [5; 38, 39]:

- а) сатирическая антиутопия;
- б) детективная антиутопия;
- в) антиутопия-катастрофа.

2. При рассмотрении антиутопии следует отметить как постоянный и неизменный признак – наличие антиутопического конфликта, то есть наличие конфликта Государства и Личности. Если же такового в произведении нет, то, вероятнее всего, мы имеем дело с произведением иного жанра. Например, утопии.

3. Отмечая наличие такового конфликта, мы сразу же принимаем как аксиому наличие противостоящей личности, которая, как мы выяснили ранее, бывает двух типов: интегрированная и неинтегрированная.

4. Здесь мы указываем, имеет ли Государство в своей системе Персонификатора власти.

5. Далее указываем, на каком уровне развития находится система:

- а) строится;
- б) построена – разрушается;
- в) построена – удерживается.

6. Указываем, какие уровни воздействия на общество применяются в произведении:

- а) политико-психологический;
- б) лингвистический;
- в) социальный;
- г) биологический.

При наличии нескольких категорий указываются все присутствующие в произведении. Если же задействованы все типы воздействия, предлагается использовать термин «мультивоздействие».

7. Определяем тип общественного строя: унифицированный либо иерархический.

Данная схема очень удобна при рассмотрении большинства антиутопических текстов. Ее преимущество состоит в том, что выделенные нами конститутивные жанровые признаки, сформированные в единую систематизированную схему, помогают составить общее представление о той или иной антиутопии и формально разграничить разнообразные антиутопии по ряду признаков.

Выведенные нами жанровые признаки справедливы для всех антиутопий классического типа. Явные несоответствия в содержании произведения и обозначенных признаках могут, в свою очередь, свидетельствовать о том, что читатель имеет дело не с антиутопией, а близкородственным жанром, разнообразные типы которых позволяют квалифицировать их как утопия, дистопия, экоутопия, практотопия, какотопия, эупсихия, киберпанк и т.п.

Чтобы проиллюстрировать эффективность применения той же схемы при изучении современных антиутопических произведений, проведем анализ текстов «Москва 2042» В.Войновича и «Кысь» Т.Толстой.

«Москва 2042»:

1. Сатирическая антиутопия.
2. Присутствует антиутопический конфликт.
3. Противостоящая личность интегрирована.
4. Имеется персонификатор власти.
5. Система построена, затем разрушается.
6. Используются социальный, политико-психологический и, частично, лингвистический уровни воздействия.
7. Иерархический общественный строй.

«Кысь»:

1. Сатирическая антиутопия.
2. Присутствует антиутопический конфликт.
3. Противостоящая личность неинтегрирована.
4. Имеется персонификатор власти.
5. Система построена и разрушается.
6. Используются социальный и политико-психологический уровни воздействия.
7. Иерархический общественный строй.

Если же мы будем давать словесный анализ на основании этой классификации, то в результате должны получить текст подобного рода:

«Роман Татьяны Толстой «Кысь» является сатирической антиутопией. В произведении явно присутствует антиутопический конфликт. Имеется персонификатор власти, противостоящая ему личность неинтегрирована. Политическая система, представленная в романе, на момент описываемых событий построена и с развитием сюжета приходит к разрушению. Государство для удержания власти использует социальный и политико-психологический уровни воздействия на общество. Общество построено иерархически».

На данном примере можно проследить, как все зафиксированные в схеме данные четко укладываются в единое описание произведения и его жанровых особенностей. Благодаря последним примерам мы увидели, что схема равно применима как к классическим произведениям этого жанра, так и к более современным его представителям.

Практической ценностью разработанной схемы может являться использование ее при изучении антиутопий в школах и университетах в курсе изучения литературы. Так как этот жанр очень сложен для понимания многих читателей, а уж тем более непонятен для учеников, которые в курсе школьной программы только знакомятся с принципами литературоведения и мало знакомы с герменевтикой различных литературных жанров, данная схема может упростить процесс осмысления антиутопии. Сконцентрированные в единой схеме все основные жанрообразующие признаки дадут общее понимание сюжета, расстановки действующих лиц и других особенностей изучаемого произведения.

Таким образом, структурированная схема, задающая алгоритм первичного анализа антиутопического произведения, дает возможность краткого описания различных антиутопий по единому образцу, что позволяет классифицировать антиутопические произведения по ряду конститутивных и факкультативных признаков, не упуская из поля зрения исследователя ни одного элемента, важного для формирования антиутопической реальности в произведении.

Список литературы

- 1 Гальцева Р. Помеха – человек. Опыт века в зеркале антиутопий / Р. Гальцева, И. Роднянская // Новый мир. — 1988. — № 12. — С. 154–166.
- 2 Зверев А. «Когда пробьет последний час природы...». Антиутопия. XX век / А. Зверев // Вопросы литературы. — 1989. — № 12. — С. 148–158.
- 3 Бердяев Н. Царство духа и Царство кесаря / Н. Бердяев. — Париж: YMCA-PRESS, 1951. — 268 с.
- 4 Латынина А. В ожидании золотого века. От сказки к антиутопии / А. Латынина // Октябрь. — 1989. — № 6. — С. 129–137.
- 5 Ланин Б.А. Антиутопия // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Б.А. Ланин; под ред. А.Н. Николюкина. Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН. — М.: НИК «Интелвак», 2003. — С. 38, 39.

Л.Р. Шевлякова

Заманауи утопияға қарсы жанрдың құрылымы

Мақалада кең көлемді материалдар бойынша жанрдың тіркелу сәтінен бастап бүгінгі күнге дейінгі утопияға қарсы жанр қалыптастырушы ерекшеліктерінің кешені қарастырылған. Автор қазіргі заманғы утопияға қарсы қолданыстағы жіктелуінің тар шеңберіне енуін қиын екенін ескере отырып, зерттеушілердің жолында туындайтын қиындықтардан пайда болатын құрастырушы және факультативті жанрлық ерекшеліктердің неғұрлым толық тізімін табу мәселесін алға қойған. Кез келген утопияға қарсы жұмыстың өзіндік ерекшелігін анықтай отырып, көптеген құрастырушы және факультативті ерекшеліктері бойынша мәтіндерді жіктеуге мүмкіндік беретін жұмыс сызбасын құруы осы жұмыстың артықшылығы болып табылады.

Кілт сөздер: утопияға қарсы жанрлар, жаппай тыйым салу, утопиялық идеяны жоққа шығару, утопияға қарсы қақтығыс, қасақана қиял, құрастырушы белгілер, факультативті белгілер.

L.R. Shevlyakova

Structure of the genre of modern anti-utopia

In the article, the task is to consider a complex of genre-forming features of anti-utopia on a wide range of works from the moment of genre design to the present. The author poses the problem of finding the most complete list of constitutive and facultative genre features, arising from the difficulties that arise in the path of the researcher, in view of the fact that modern anti-utopias are difficult to fit into the narrow framework of existing classifications. The advantage of this study is the creation of a working scheme, which makes it possible to classify texts according to a number of constitutive and facultative features, revealing the specific originality of any anti-utopian work.

Keywords: genre of anti-utopias, total prohibition, refutation of utopian idea, anti-utopian conflict, deliberate fantasy, constitutive signs, facultative signs.

References

- 1 Gal'ceva, R., & Rodnjanskaja, I. (1988). Pomeha – chelovek. Opyt veka v zerkale antiutopii [The interference is a person. The experience of the century in the mirror of anti-utopias]. *Novyi mir – New world*, 12, 154–166 [in Russian].
- 2 Zverev, A. (1989). «Kohda probet poslednii8 chas prirody...». Antiutopiia. XX vek [«When the last hour of nature breaks ...». Antiutopia. The twentieth century]. *Voprosy literatury – Questions of literature*, 12, 148–158 [in Russian].
- 3 Berdjaev, N. (1951). *Tsarstvo dukha i Tsarstvo kesaria [The Kingdom of Spirit and the Kingdom of Caesar]*. Paris: YMCA-PRESS [in Russian].
- 4 Latynina, A. (1989). V ozhidanii zolotoho veka. Ot skazki k antiutopii [Waiting for the golden age. From fairy tale to anti-utopia]. *Octiabr – October*, 6, 129–137 [in Russian].
- 5 Lanin, B.A. (2003). Antiutopiia [Antiutopia]. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii – Literary Encyclopedia of Terms and Concepts*. A.N. Nikolyukin (Ed.). Moscow: NPK «Intelvak» [in Russian].